

40-АЯ СОЛЬ-МИНОРНАЯ СИМФОНΙΑ КАК ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ МОЦАРТА ОБ УДЕЛЕ ЧЕЛОВЕКА ДУХОВНОГО

Белов К.А., к.ф.н., доц., докторант

Воляжский политехнический институт (Россия)

Аннотация. В данной статье 40-я симфония Моцарта рассматривается как выражение страстной любви ко всему прекрасному земному и в то же время как порывание к Запредельному, которое, наверное, и не существует, но без стремления к которому не будет удаваться претворение нашего *реального* в совершенное *художественное*.

Ключевые слова: Моцарт, Симфония 40.

Анотація. Белов К. О. 40-а соль-мінорна симфонія як філософування Моцарта про долю людини духовної. У даній статті 40-а симфонія Моцарта розглядається як вираз пристрасної любові до всього прекрасного земного й водночас як поривання до Поза межнього, яке, мабуть, і не існує, але без прагнення до якого не вдаватиметься втілення нашого *реального* у досконале й художнє.

Ключові слова: Моцарт, Симфонія 40.

Annotation. Byelov K. A. the 40-th symphony as Mozart's philosophy about the destiny of spiritual person. This article views the 40-th symphony by Mozart as an expression of passionate love for all real beauty and at the same time as aspiration for something that seems to exist beyond reality. Perhaps it only seems to exist, but without our craving for that Unknown it would be impossible to turn our usual reality into Perfect Pieces of Art.

Keywords: Mozart, Symphony 40.

Вступление.

Нет, это – это, конечно, не о тех, которые самые несчастные – горько, непоправимо, неизбежно несчастные.

Несчастные через обстоятельства своей жизни.

Несчастные через скудости доставшегося им от природы.

Об этих несчастных глубоко сострадательно, истинно совестливо – как скорбно, как скорбно! – у Мусоргского в одной из его “Картинок с выставки” в той, которая – “Быдло”.

Вы слышали, как исполняет эту вещь Мария Юдина?

А с интерпретацией “Быдла” Владимиром Горовицем вы тоже знакомы?

В чем разница их прочтения этого произведения Мусоргского, вам это понятно?

Виноват ты или нет перед этим *быдлом*? Это быдло – оно тебе совершенно чужое? Можешь ли ты жить, совсем забыв о его существовании? Чувствуешь ли ты, что если ты человек, то это, может быть, больше всего потому, что кто-то – это-то вот несчастное быдло?

Да... так вот **это** – про которое мы только что начали-то, – оно о тех, о жизни *духа* тех, которые – отнюдь, отнюдь не обездоленные – совсем очень даже и наоборот!

Этим счастливым если когда и приходится позаботиться о “нуждах низкой жизни”, то эти прозаические заботы всё же никогда не поглощают их так уж чтоб всецело-то, – не приземляют то есть дух их – ну, чтоб очень уж так совсем, очень уж чтоб надолго-то так!

Так чем же живет свободный... – ну, хорошо, хорошо: относительно свободный – человек?

Живет он – если это человек *духовного* склада – живет он по преимуществу *чувствами*.

Вы спрашиваете, какими именно?

Об этих чувствах лучше, проникновеннее, прекраснее, чем кто-либо другой, – поведал нам...

Почему так особо нежно любим мы ласточку?

Эти вот острые всплески её тонких крыльев – когда скользит она над самой землей... Эти неожиданные крутые её взмывания к небу... И внезапные устремления, почти отвесные эти падения её – к земле, к земле... Это сверкание её белой грудки – совсем вот близко от тебя... – что это она всё вьется, вьется тут?!

А вот внезапно зависла на одном месте, мгновение какое-то потрепетала крыльями и – замерла вот, уцепившись коготками за солому крыши. Головкой вот по сторонам поводит... Кого иль что она высматривает?

Негромкий, милый её щебет... О чем, кому – она щебечет там?

И – сорвалась вдруг. Широкий очертила круг – в одну, в другую сторону. И – пошла, пошла кругами ввысь... И всё выше и выше она... И – пропала вот совсем из глаз...

Что повлекло её ввысь? Что ей там – в этой синей пустыне неба?!

О, как притягательно для нас – всегда! – следить за ней, за этими-то её вот круженьями – такими вроде бы совсем бесцельными, такими непредсказуемыми и непонятно – непонятно! – страстными...

В ней – мы будто узнаем самих себя. Узнаем – своё самое лучшее. Узнаем в ней... – душу свою узнаем мы в ней!

Постановка проблемы, анализ последних исследований.

40-ая симфония Моцарта.

Вступления нет. Сразу экспозиция. Её особенность – это что главная тема – она начинается будто с середины фразы.

Фразы – удивительно живой. Фразы – из уже долго-долго идущего рассказа. Рассказа – острейшего драматизма. Рассказа – глубокого, тончайшего – проникновеннейшего! – лиризма...

О чём этот рассказ – про то чувство наше улавливает/осознает очень скоро и – безошибочно это, да! Ведь в этой симфонии Моцарт рассказал о том, что есть в человеке самое главное, самое высокое. И рассказал он об этом так, как никому не удавалось это – ни до, ни после него!

О чём – в этой симфонии?

В ней – об уделе человека.

Но, повторяем, об уделе того человека, который уже *собственно* человек. То есть в этой симфонии – о тех, чей дух высок, чей дух свободен, чей дух по природе своей удивительно гармоничен, – в ней о тех, чей дух преисполнен любви – любви ко всему *прекрасному реальному* – вы ведь понимаете, про какое именно *реальное* речь у нас идет сейчас-то?! – И чей дух ещё временами бывает преисполнен – о, как часто, как это часто! – странным каким-то томлением... – томлением по чему-то такому, чему и имени-то точного нет, – странным каким-то бывает преисполнен стремлением... – в какую-то *непонятную беспредельность!*

Невероятно, совершенно невероятно, как это можно, чтобы с первых – с самых же первых тактов! – и чтобы тобой, твоим чувством так вот овладели – ну, не было такого никогда с тобой – ни от чего, ни от кого другого! И не будет – ни от кого, ни от чего ещё там – не будет никогда! Ведь ты просто перестаешь быть... – нет, не так: ты только-то и начинаешь быть – истинно, подлинно быть! – когда слушаешь *это-то* вот – слушаешь когда “40-вую”.

То, что тебе неясно думалось когда, невнятно чувствовалось ли – но что всегда тебе представлялось тем, что есть самое что ни на есть *существо* твоего настоящего “я”, – того то есть “я”, в котором больше всего этого-то *собственно человеческого*, – всё это в “40-ой” – о, как прекрасно, как естественно, как глубоко, как *совершенно определенно* высказано всё это! – как дивно – наконец-то, наконец-то! – *проявлено* оно твоему уму и чувству!

Результаты исследований.

...Несколько лет назад в городском художественном музее Волжска была организована выставка известнейших русских художников. Привезли полотна и Саврасова, и Поленова, и Левитана, и Коровина, и многих других больших мастеров.

Побывав на этой выставке, я позвонил одной своей знакомой и попросил её сходить в музей и поделиться потом со мной своими впечатлениями. Дело было в том, что, хотя выставка была такой представительной и весьма объемной по числу экспонируемых картин, вниманием, чувством моим завладела – действительно завладела – только одна картина. Я был несколько удивлён этим,

и мне захотелось узнать, субъективно было это мое впечатление от выставки или же нет. Чтобы моя приятельница оставалась совершенно свободной в своем мнении, я ей про свою озадаченность, естественно, ничего не стал говорить.

И вот звонок от неё: “Ты знаешь, это странно: я долго бродила по музею от картины к картине, – мне многое там нравилось. Но меня все время тянуло вернуться в тот зал, где была выставлена “Садовница” Похитонова!”

Я рассмеялся: “Со мной на этой выставке случилось то же, что и с тобой: да прекрасных – много там – работ таких! Но Похитонов... – ты поняла, в чём прелесть его работы?!”

Да, мы одинаково всё поняли про очарование этой работы – поняли всё об её особой *поэтичности*.

Что там – в этой похитоновской “Садовнице”?

А в ней... именно то, что и у Моцарта – в его 40-вой.

Только у Похитонова всё выражено другими художественными средствами – у него всё сказано красками, особенностями рисунка, самой изображаемой предметностью, вещностью и – перспективой. И в этой-то вот перспективе...она, наверное, и есть *главное* в этой картине: да, через неё, именно через неё – улавливаем, прочитываем мы – безошибочно! – поэтическую мысль автора “Садовницы” – глубокую, философскую мысль! Мысль о тайне, о *существо* человеческой жизни.

Какой чудесный дворик – на покатоги холма! Этот вот беленький домик среди фруктовых деревьев... Эти ухоженные огородные грядки... И этот вот садово-огородный инвентарь – весь справный, добротный...

И какая крепкая, красивая ограда вокруг этого садика – вся из светлого серого природного камня... О, как это всё здесь так замечательно устроено! Какой, видать, хорошей, какой счастливой, какой здоровой жизнью живется людям в этом-то вот «ихнем» уголке!

Счастливой? безмятежно счастливой?!

Нет, не бывает человек невозмутимо, совершенно, предельно, значит, так уж чтобы счастлив через это-то своё – так умно, так любовно, так уютно устроенное! – разнообразное *житейское*, через своё то есть всё *реальное*.

Всех нас – одних больше, других меньше – но всех, всех нас томит – влечение... – влечемся мы в какую-то *нездешность* – да, мы все влечемся в какое-то *неизвестное*, какое-то *непонятное*, где будто бы больше есть воли, больше покоя и где будто бы есть красота...красота, которая ещё выше, ещё совершеннее этой-то вот всей красоты, которая – земная.

Почему остановилась среди дел своих похитоновская садовница? О чём это она задумалась? Какие чувства ею владеют сейчас? Впечатление ведь, что она уже долго стоит вот так – неподвижно...

Куда устремлен её взгляд?

А туда устремлен её взгляд, куда и ваш-то всенепременно устремится, стоит только остановиться вам перед этой картиной. Да, ваш взгляд, отметив

всё то, что есть на переднем плане этой картины, – отметив всё это сочувственно, с большой то есть симпатией ко всему изображенному, – всё же не может ваш взгляд не устремиться к светлой полоске глубокой – дивной, дивной! – дали, которая открывается за каменной оградой этого сада...

Много души у кого когда – это что, больше счастья тебе?

А может, вовсе и нет-то?! Может, тогда – и больше страдания-то?!

Твоя жизнь так сложилась, так тобой устроена, что остаются в тебе ещё неизбытые силы? И ещё ты можешь свободно – а не сообразно этим самым обстоятельствам! – располагать своим временем? Ты не весь, не всегда – в этих заботах, тревогах, думах по устройению своего сугубо такого *практического*?

Во благо это тебе, когда у тебя все так-то вот – и с силами твоими и со временем?

А может, как раз-то и маешься ты – если у тебя всё так вот вроде бы очень удачно в жизни складывается?

Несчастья – от тех, других ли скудностей... Несчастья – от всяких таких разных избытков...

В случае скудностей – там всё всем понятно. Но вот в тех случаях, когда всего имеется совсем не скудно – о, каких только ошибок не совершает тогда человек! Ошибок и глупых, и жалких, и пагубных!

Пагубных – когда только для него самого... Но, случается, – и для многих, многих других...

Но бывает и иначе – совсем иначе: бывают прекрасные, гениальнейшие бывают решения – про тайну верного устройства жизни человека, про тайну его высокого назначения, про тайну его Удела.

Он, этот Удел наш... – вы ведь всё услышали/поняли – из того, что рассказал нам про этот Удел в своей 40-вой Вольфганг Амадей Моцарт?!

Что есть 40-ая?

Нет, в ней не про то *правильное*, которое уж очень такое плотское, – “в здоровом теле – здоровый дух”. И не про те в ней *идеальности*, которые все эти мистические мечтания да экстатические откровения. И, уж конечно, в ней не про ту *отчаянность*, *пропаищность*, которая – “А-а, всё снова живем!”

Нет, в 40-ой – про ту *правильность*, которая *высокая*! В ней – про *идеальности*, которые вполне реальны! В ней – про отчаянности, которые – *дерзновения духа*! Духа, взыскующего Безусловного и Непреходящего.

Начало 40-ой...

Какая красивая, какая хорошая, какая счастливая жизнь – ну, безупречнейше, ну просто идеальнейше ведь! – всё, всё, всё в этой-то вот жизни, образ которой встает в твоём сознании – чувством овладевает твоим – с первых же фраз этой симфонии...

О, как редчайше же это – так-то вот чтобы было у кого из нас! Да, наиредчайше, наиредчайше!

Но...почему – минор?!

Так ведь не о начале же жизни, не про безмятежность первых наших лет – в первых фразах 40-ой!

Жизнь, когда она уже в своем зените – как ни была бы она вам в радость – в великую даже очень радость когда! – не может она быть, не может она оставаться совсем такой уж бестревожной, совсем такой уж беспечальной чтобы! Печали в ней, когда она в своем расцвете-то, – печали в ней, быть может, уже не меньше даже, да! – не меньше, чем этой, давно тебе обычной ставшей, – светлой этой твоей радости.

Что?! Только и всего-то?! Только это вот всегдашнее твоё? И опять, опять **оно** – и больше уже ничего, ничего не будет у тебя другого, никогда?! Как долго ни живи, всё одно – уже никогда?!

Когда такие мысли, такие настроения... – когда с тобой *такое* ещё только-только начинает случаться, – не часто ещё случаться – легко, довольно легко удастся тебе справиться с этими неожиданными тревожными думами. Тебе достаточно бывает привнесения в твоё *обычное* даже самой такой малой толики какой-либо новизны.

А ещё того лучше – ещё целительнее для души твоей! – хоть на время, хоть на какое-то время! – совсем отойти от своего *обычного*. Ты ведь знаешь – знаешь ведь ты?! – что надо тебе для этого сделать? Да, уйди, уйди поскорее – к живой природе! Уйди к реке, уйди в поле, уйди туда, где будешь только ты и небо!

Ты – уже ушел? Ты – уже среди этих вольных пространств?

О, как хорошо тебе – какое это счастье, – когда ты здесь! Здесь – ты как-то сразу становишься почти совсем... совсем таким бестелесным! Здесь – ты больше чистый, свободный – совершенно свободный такой дух, да! Ты весь в каком-то легком – прекрасном! – опьянении ты здесь... Всё, всё, что здесь – в такую это тебе радость всё!

Эти звуки, запахи и краски – какое великое, какое живое разнообразие всего тут этого-то!

Ты дышишь этим всем – оно само, само вливается в тебя! – ты будто даже сам становишься всем этим!

И... – умиротворяется твой дух... А ты и не заметил даже – когда это так с тобой случилось-то!

И вот опять... да, опять – можно тебе... желание появилось в тебе – вернуться! Вернуться – ко всему тобой оставленному: вернуться в твоё повседневное, твоё обычное.

Вы согласны? Ведь твоё повседневное, если даже оно и высокое, всё одно, всё одно – **обычное, рутинное**... да, уже, уже **непоэтичное** оно?!

Что есть поэтическое? Для художника... да и не только для него – это то, чего ещё никогда, никогда не было!

А ты вернулся сейчас вот... – к чему ты вернулся?!

Но как же нам быть-то?! – разве может быть с нами – это чтобы как-то иначе ещё?!

Да, тебе не очень-то в радость – это твоё возвращение к твоему этому-то вот *всегдашнему*.

Но... – не в глупенький же этот романтизм уходить тебе от своего *настоящего* – единственно достойного, единственно подлинного! – истинно, истинно прекрасного! – уходить от него только потому, что оно тебе... – о, это печальная правда! – оно тебе – увы! – оно тебе несколько... несколько уже и прискучило!

О, нет, и это не годится: неумно будет – и нескромно тоже, да! – если поддашься ты соблазну воспринимать – и представлять! – все эти новые для тебя мирочувствия в тонах таких уж очень скорбных, в тонах трагических.

Ну и конечно, пошлостью, просто убожеством будет искать себе спасенья – забвения, забвения! – в богемности. Хотя – будет и такое! Только будет это всё – много, много *потом*.

Но если это-то всё – оно всё *ложное*, тогда – что же есть... есть ли тогда то, что – *истинное*?!

А вы разве не услышали ответа на этот... да, труднейший, труднейший вопрос! – разве не услышали вы ответа на него – в “40-вой соль-минорной”?!

Отныне и навсегда – покуда будешь ты жив – одно, одно только будет у тебя – *но будет оно, это если ещё достанет-то тебе души, ума и мужества!* – будет у тебя то, что уже *было*: другого чего – и быть-то не может, *если оставаться всегда верным естественному порядку всего реально существующего*.

Нет, такое понимание – вернее: угадывание – *предстоящего* тебе – это все лишь общее соображение про человеческий – *общечеловеческий* – Удел.

А вот то, что будет у тебя – именно у тебя – в твоём *дальнейшем* – про то тебе не сообразить, не угадать. Твоё будущее – это ещё полнейшая неизвестность, тайна, да! Тебе ещё только предстоит создать своё будущее: тебе предстоит сотворить свою Судьбу: тебе ещё только предстоят попытки – несчетные попытки! – к одолению *своего* общечеловеческого Удела.

Вы слышите, *что и как* у Моцарта – об этих наших попытках?!

Твоё *настоящее*. Твоё любимое. Твоё такое великое – твоё такое малое – *прекрасное*.

Всё, всё это *твоё* – тобой уже *изведенное* всё! И – не пьянит, нет, не пьянит тебя уже оно! А без этого-то опьянения... – как же жить тебе без него?!

Да, не можешь, не можешь ты жить без этого опьянения!

И оттого – всё чаще и чаще твои порывания... – нет, это уже порывания не к какому-нибудь *новому* там *реальному*: было это уже с тобой, было! И не те уже это порывания, которые были ко всему *вольному Природному*. – Нет, нет: теперь твои порывания – это устремления твоей души в глубины... в глубины самой себя? Или... или – в глубины того, что вроде бы существует... должно существовать – так мнится нам! – должно существовать за этой-то вот видимостью – привычной видимостью *живого* – ведь живого?! – *Природного*?!

О, эти наши влечения – к Запредельному-то! Какие они теперь в тебе... – какие они неотступные, какие настоятельные!

Но... есть ли, существует ли оно, это Запредельное – чтобы на самом-то деле?!

А как же не быть-то Ему, когда мы по Нему – в зрелом-то возрасте нашем – больше всего и томимся-то?!

И более других – о, как много более других! – искушаем мечтою о проникновении в Запредельное, мечтою о разгадке его тайны – искушаем этой мечтою тот, кому ведомо таинство создания *реального Запредельного* – ведомо таинство создания тех странных повествований, которые суть *музыкальные построения*.

Как велика сила воздействия на нас этих построений!

Но – почему, через что это так?! Кто разве может – пробовал ли кто когда? – объяснить магическую... нет: прямо-таки какую-то сверхъестественную! – власть музыки над нашей душою?

Может, это потому, что она обращена непосредственно к чувству? То есть разума роль в её восприятии совсем минимальна? От разума – одно только остужение бывает всем нашим чувствам?

Но если толком подумать, то – разве наши чувства не являются творениями именно разума нашего?! Ведь если разум молчит – тогда только смутные у нас *ощущения*, ну *эмоции* ещё там какие, но – не *чувства* же?!

Да, конечно, самое *общее* понимание про то, что есть музыка и отчего у неё великая эта власть над нами, – такое понимание у нас есть: музыкальные произведения суть построения *гармонические*. Гармоническая же упорядоченность *чего бы то ни было* воспринимается нами – инстинктивно ли, осознанно ли – как великое благо: благо возникновения Жизни из Хаоса.

И ещё есть у нас одно соображение про музыку: она сотворена из той *материальности*, которая много легче всякого прочего *реального сущего* поддается упорядочению, – ведь это та *материальность*, которая не сама по себе существует, а вами-то и создана которая! И потому *музыкальные гармонические построения* – самые совершенные они, – могут, по крайней мере, быть таковыми.

Но тайна музыки – не в этом, нет! Ведь непонятно, невероятно трудно объяснить вот что: почему одно музыкальное построение тебе представляется чудом, откровением, сбывшейся твоей мечтою, а другое же – тебе оно совершенно чуждо?!

И дело-то вовсе не субъективности *вашего* восприятия, нет! О, тут наблюдается преудивительное такое единство в оказании предпочтений: вот – *божественное*, вот – *высокое*, вот – это уже *попроще*, а вот и такое, которое – *так себе*.

Звуковые построения 40-вой симфонии.

Мелодические – они же *смысловые* – её ряды. Если ты даже и постигнешь идеи-чувства, сокрытые – да, всё же сокрытые, а не явно высказанные в этих мелодиях! – постичь их исчерпывающе чтобы – нет, не удастся тебе это! Не удастся потому, что музыкальные образы не столь определены в своем содержании, как образы других видов искусства. Через эту особенность музыкальных образов – их *особая поэтичность*.

Да, ведь что более всего нас волнует, влечет, пленяет? Неизведанное? Неразгаданное?

Бесконечное – вот что сильнее всего влечет нас к себе!

Бесконечное – оно ведь понимается, чувствуется нами как *вечное*.

Через это влечение к вечному – мы будто и приобщаемся к нему!

Всё прочее же которое – до конца понятое, освоенное – это всё уже для нас *прозаическое*.

40-ая же соль-минорная – это одно из самых прекраснейших, одно из самых мудрейших повествований о наших попытках уйти от *прозаического* – уйти от того, что *стало* уже для нас *прозаическим*.

Уйти – куда?

А после того, что с тобой уже *было*, осталось теперь тебе уходить единственно в *поэзию стремлений за пределы Положенного*.

Что есть *поэзия стремлений за пределы Положенного*?

А – *несмирения* это *поэзия*!

Феномены таковой – это редчайшее *художественное*, – причем и возможное-то еще – единственно в области музыкального творчества: возможно как мелодические построения со своеобразнейшей звуковой организацией, своеобразнейшей динамикой, своеобразнейшим глиссандо.

Такое *художественное* – это некоторые темо-мотивы 40-вой соль-минорной.

Через эти мотивы тебе открывается – на очень только недолго! – то, что есть никогда прежде не ведомая тебе *красота* и никогда прежде не ведомая тебе *свобода*.

Но почему, почему это так?! Едва начав звучать, темо-мотивы, из которых – эта красота и эта свобода, – они тут же начинают истаивать в какое-то непонятное Ничто!

После этой Красоты и этой Свободы и – эти вот тягучие диссонансы?! Диссонансы – от которых вот-вот совсем померкнет твоё сознание?!

О, нет, нет: сразу всё чтоб – тебе про это не уяснится, нет!

Ещё и ещё будешь ты пытаться – всё страстнее, всё самозабвеннее будут твои попытки – опять, опять чтоб пережить высшие эти свои духовные состояния – пережить моменты встречи с совершеннейшей красотой и безграничной - абсолютной! – свободой.

А потом всё же откроется тебе: устремлялся ты – к Невозможному – к не могущему быть устремлялся ты!

Но уяснится тебе ещё и то, что целительны – спасительны даже! – эти наши порывы к Несуществующему.

Да, дух наш *из себя самого* – совсем немного может он *порождать*.

Но зато доступно ему многое – бесконечно многое! – *претворять*. То есть ему доступно осмысливать, очувствовать всё-всё реально существующее, – ему доступно делать его *своим*, – ему доступно делать его – *самим тобой*.

Но это претворение будет тем прекраснее – тем художественно

совершеннее и тем разнообразнее по своей тематике – чем больше влеком наш дух ко всему безусловному, ко всему Абсолютному.

Ты понял, почувствовал всё это-то? Ты понял, *что, как и отчего* уже с тобой *бывало*?

Тогда пойми ещё и то, что *предстоит* тебе: что с тобой может – должно быть! – во всё, которое это твоё *дальнейшее*.

Не должно смиряться. Не должно унывать. Не должно отчаиваться. Не должно впадать в какие-либо крайности.

А сумеет это – чтобы так-то вот – единственно тот, кто всегда останется верен *поэзии реального*. Ведь *реальное* – оно всегда *истинное*: оно всегда *становящееся* – оно *вечно живое*. Когда же это *вечно живое* ещё и познается особым способом – познается не чисто интеллектуально, а *художественно* – претворяется в произведения искусства, высшие тогда это суть наши духовные достижения. Ведь если *художественное* – значит обладаем мы тогда *безусловным* – не отменяемым никаким другим новым *эстетическим* – обладаем то есть мы *Абсолютным*.

А что есть обладание им, как не сбывшееся самое высокое наше Мечтание?!

...Всю первую половину августа – жара, безветрие и страшная сушь.

В небо не взглянешь: слепит оно тебя своим бешеным светом, давит потоками ярого зноя.

На земле всё уже выжжено.

Только деревья – они одни сколько-то живы ещё...

Господи, когда же конец-то придёт этой засухе, этой муке?!

И вот в одну из ночей – шквальный ударил ветер! А следом за ним – гроза! Молнии – поминутно полыхали они!

И – хлынул ливень...

Тяжелый, глухой его гул смолкнул только к рассвету.

Днем небо довольно разъяснилось.

Но ветер – северный, сильный! – задул он тогда на много дней.

Захолодало...

Мы плыли в лодке вниз по течению.

Неуютно, зябко. От ветра никак не скроешься.

И была от него всё время какая-то оцепенелость, оглушённость сознания.

Чтоб сколько-то отдохнуть от этого ветра, иногда мы выходили на берег и укрывались в лесочках. Там ветра почти не ощущалось и было намного теплее.

Как-то раз, углубившись дальше обычного в лесок, увидел я, что он вот-вот кончается, а за ним светится широкая полоса порыжелых лугов.

Потянуло пойти в ту сторону.

Лес скоро остался позади меня, и я оказываюсь подле просёлочной дороги.

Глубокие борозды, колдобины, комья и крошево окаменелого чернозёма...

Хочу пересечь дорогу, чтобы спуститься к ямине на лугу, где зеленеет густая прибитая ветром к земле осока и... – замираю на месте.

Прямо передо мной на острой глыбке спёкшейся грязи – ласточка.

Не улетает. Смотрит – но будто не видит ничего перед собой. Совсем такая ко всему безучастная. Чуть-чуть только покачивается. Точно она в дрёме какой-то...

Ну вот... ты и так который уже день в нереальности сознания от этого ветра, а тут ещё ласточка эта, такая чудну неподвижная. Надо же это так – наваждение вроде б какое нашло на меня!

Я наклонился к ласточке – она как была, так и осталась. Беру её в руки – она и не пошевелилась, чтоб высвободиться.

Может, больная она? Раненая? Старая ли совсем уже?

И страшно, жутко даже сделалось мне: вдруг умрёт она прямо сейчас – в руках у меня?!

Неужели вот эта милая, такая трогательная красота – и она перестанет сейчас быть?!

Она чуть слышно шевельнулась у меня между ладоней. Я приоткрываю их немного, и – выскользнула она тотчас на волю!

Низко-низко понеслась она над разбитой дорогой – взмахи крыльев такие мгновенные, что за ними почти и не уследить тебе... А вот уже и пошла, пошла она набирать высоту... вот и совсем уже резко к небу взяла и – пропала в нём...

Чего только с тобой не бывало!

И чего только с тобой не будет ещё!

Но никогда – никогда! – не увидеть тебе её смерти!

Она и вообще всегда останется для тебя загадкой – прекрасной, чарующей загадкой!

Загадкой, которую ты вроде бы и разгадал вот, а она всё равно остаётся для тебя – непонятно, непонятно почему! – остаётся тайной.

Где её дом?

И почему одна?

Птенец она или мать?

Зачем далась в руки тебе?

Почему ушла в высоту, где для неё – ничего, ничего нет?!

Почему она – самое прекрасное, самое пленительное, так сильно, так возвышенно волнующее тебя *живое*?!

Выводы.

...Когда впервые слушаешь “40-вую” соль-минорную – и всегда, всегда потом ещё – образ ласточки... – ласточки в небе... – да, этот образ встаёт – неизменно это, неизменно! – в твоём сознании.

И у тебя такое чувство, что как-то иначе чтобы – эту симфонию и услышать-то нельзя.

Вы согласны?

Ведь у Моцарта – вслушайтесь только-то! – о ней, о ней у него!

О ней... – и о нашей с вами душе...

Литература:

1. *Белов К.А.* Социокультурный смысл художественных гармоний лирического типа. Литература. Живопись. Музыка. – Дубна: Феникс+, 2008. – 294 с.
2. *Вакенродер В. – Г.* Фантазии об искусстве. – М.: Искусство, 1977. – 263 с.
3. *Левик Б.В.* Музыкальная литература зарубежных стран. – Вып. П. – М.: Музыка, 1979. – 302 с.
4. *Манн Т.* Доктор Фаустус. – М.: Иностранная литература, 1959. – 615 с.
5. *Маццини Дж.* Эстетика и критика. – М.: Искусство, 1976. – 478 с.
6. *Моцарт В. А.* Письма. – М.: Аграф, 2000. – 443 с.
7. *Ницше Ф.* Рождение трагедии из духа музыки // Фридрих Ницше. Стихотворения. Философская проза. – СПб.: Художественная литература, 1993. – 671 с.
8. *Рабинович Д. А.* Портреты пианистов. – М.: Советский композитор, 1970. – 279 с.
9. *Роллан Р.* Воспоминания. – М.: Художественная литература, 1966. – 590 с.
10. *Третьякова Л. С.* Русская музыка XIX века. – М.: Просвещение, 1976. – 207 с.
11. *Чичерин Г. В.* Моцарт. – Л.: Музыка, 1970. – 117 с.

Надійшла до редакції 12.02.2008